

Известия. — 2003. —
23 янв. — с. 8

Больше я никогда так не играл

Юрий Башмет

Завтра у музыканта с мировым именем, альтиста, дирижера и педагога Юрия Башмета юбилей. Ему исполняется 50 лет. В этот же день в издательстве «Вагриус» выйдет книга его воспоминаний «Вокзал мечты». Одну из самых интересных ее глав автор предложил читателям «Известий».

Было замечательное время. Лето. Мы снимали дачу на Николиной горе. Перед выездом на гастроли во Францию, в город Тур, я неожиданно сильно заболел. Такая сыпь и температура, что испугался и ночью решил ехать в дежурную больницу.

Врач, осмотрев меня, спросил — больно или не больно. Все мое лицо было воспалено — сплошная опухоль. Он подумал, что это заражение крови, и уже стал меня жалеть. Я испугался еще больше. Хорошо еще, не знал, что означает слово «сепсис». Однако через несколько минут врач понял, что диагноз не верен, и прописал мне какие-то таблетки. Я лечился, но, честно говоря, мысли у меня были нерадостные — думал, конечно, что Франции мне не видать. Однако в ночь перед выездом мне стало легче, наверно, от этих таблеток, и я полетел, взяв у жены овальный гребень, чтобы держал волосы — прикосновение даже одного волоска ко лбу было мучительно. Кроме того, весь лоб был еще и в зеленке.

Я вошел в самолет (в этот момент, видимо, забыл, как выгляжу) и хотел сесть на свое место. Двух девушек, у которых места были рядом со мной, как ветром сдуло — убежали в другой ряд. Я улегся на три сиденья и заснул. Проснулся уже в Париже. Меня встретил менеджер, на мой внешний вид не прореагировал и повез меня в город Тур, за 240 километров. Приехали. Он остановился у аптеки, купил какую-то мазь и вручил ее мне. Через два дня должен был состояться мой сольный концерт, а ведь я из-за болезни две недели не прикасался к инструменту, то есть вышел из формы.

Но от нового лекарства становилось все легче и легче. И в день концерта мы с Мишей Мунтяном пошли все-таки репетировать, хотя я не представлял себе, как возмужу в руки инструмент после такого перерыва. Первое, что понял, — нет вибрации, ощущения струны, нет пластики, нет соединения смычка. Нет! Ничего нет! Ну, думаю, как же играть-то через два часа? Причем это очень ответственный концерт — в зале профессора Московской консерватории, да и студенты, которых я же учу...

Вибрация так и не появилась, и от безысходности мы с Мишей стали дурачиться, в четыре руки импровизируя нечто полуджазовое на рояле. Потом нас попросили выйти из зала, поскольку уже собиралась публика. Мы вышли. В артистической минут пятнадцать я, как сорвавшийся с цепи пес, насильно взял инструмент и руки, пытался хоть как-то войти в форму. Ощущения были ужасные. И вот — вышел на сцену с ощущением абсолютной авантюры.

Первое произведение — Соната Хиндемита. Сыграл начальную фразу, и надо же: руки не чувствуют, а результат хороший. К концу сонаты уже появилось ощущение, что все идет удачно и это вообще одно из самых удачных моих исполнений этого сочинения. И зал очень хорошо принимает. Потрясающе!

Следующее произведение — «Лакрима» Бриттена я тоже, пожалуй, так до этого еще не играл. Потом антракт.

Дальше, во втором отделении, — Соната Шостаковича. Там есть одно место в финале, когда альтист остается без рояля. И первая доля — как некая пауза перед взрывом. Рихтер когда-то говорил:

— Это будто огромная металлическая дверь. Грохот должен быть таким, будто она неожиданно с бешеной силой захлопнулась.

И вот, представляете себе, в этом месте действительно захлопнулась какая-то огромная дверь, видимо, от сквозняка. Точно в этом месте. Бешеный грохот.

А все исполнение — интересная череда моих ощущений. Поскольку я всегда отказывался от уже наигранных и отработанных, проверенных опорных моментов и красок звучания, то и в этот раз все мною подвергалось сомнению. К примеру, почему, собственно, если в нотах написано «*riano*», я делаю «*crescendo*»? Но я кожей чувствовал: все складывается замечательно! Я ощущал себя в трех измерениях одновременно. Сам на сцене, сам в зале и сам себя вижу из зала. И — совершенно очевидно — сверху. И странная посторонняя мысль как некий фон: только не упустить, только не потерять, только донести до конца это состояние!

Когда я закончил играть, в зале не было аплодисментов, полная тишина. Возникла даже некоторая неловкость. Я повернулся к Мише, а он тихо так говорит:

— Юрик, так сказать, вот так сказать, ты еще никогда так не играл!

Я и сам был в невероятном возбуждении и лишь проговорил:

— Что ж, Миша, по-моему, получилось. Пойдем в тишине.

Я уже рассказывал вам, как на заднике сцены мне привиделось лицо Шостаковича.

Мы вышли со сцены в полной тишине и поднялись в артистическую комнату. Там всегда были соки, вода, алкогольные напитки, бутерброды. Первое мое желание было выпить стакан чего-то крепкого. Я налил себе коньяку, а Миша еще спрашивает:

— Бисы будем играть?

— Нет, сегодня мы уже точно ничего играть не будем! — И махнул стакан коньяка.

Довольно долго ничего не происходило. По моему тогдашнему ощущению, это были не секунды, а много минут. И тут появился менеджер:

— Почему вы не идете кланяться, там народ беснуется.

Мы вышли. Зал стоял и скандировал. Я рассказал Мише про свое видение, про Шостаковича. И удивительный факт — он подтвердил в растерянности, что тоже его видел. Но позже вспоминать об этом случае наотрез отказался.

Потом мы множество раз выходили на поклон, но играть больше не стали. Пришли коллеги поздравлять нас. Двое плакали. Один из них — Валентин Александрович Берлинский, а другой — покойный теперь, к сожалению, Борис Гутников. Боря сказал мне такую фразу:

— Юрочка, мы всю жизнь идем к нашему концерту. Ты его сегодня сыграл.

Через год он скончался. Замечательный музыкант был, великий скрипач.

Что интересно, я абсолютно точно помнил все исполнение сонаты, что, как и в каком месте происходило, и потом довольно долго пользовался этой тропинкой. Должен сказать, что это работало. Но никогда уже не было того грауса исполнения. Если, скажем, взять тот самый случай за 100 градусов, то дальше было 95, 93... хотя и все равно выше, чем раньше. А потом эта тропинка заросла. То есть что-то, конечно, осталось, но вот использовать эту структуру дальше было невозможно.

Я попросил запись концерта и получил ее. Но запись есть запись. Что-то все равно уходит. А пленка почему-то все время у меня исчезает. Либо кто-то разбивает стекло автомобиля и вынимает все кассеты, лежащие в бардачке. Либо исчезает магнитофон с кассетой в нем. Сейчас ее опять нет, но я знаю, где оригинал, и могу сделать копию. Правда, я уверен, что и она исчезнет, как и все остальные...

После того концерта в артистическую зашла одна студентка-скрипачка из Академии, она была на концерте со своим молодым человеком, каким-то известным французским экстрасенсом. С ним мы знакомы не были, он просто стоял рядом, а она передала его слова:

— Если ты дружишь с этим человеком, то, пожалуйста, передай — если он знает, как выходить из этого состояния, то может и дальше этим заниматься. Но если нет, то для него это очень опасно.

Больше никогда я так не играл.

Есть ли этому какое-либо объяснение? Пожалуй, нет, одни фантазии.

Имеет ли мистическое значение тот факт, что композиторы именно к концу жизни часто особое внимание уделяют альту? Далеко ходить не надо. Та же Соната Шостаковича — последнее произведение. Концерт Бельи Бартока — последнее произведение. Видимо, завораживает само звучание альтя. Все-таки это философский инструмент — его звук разнообразный и глубокий.

Я как-то встретился у консерватории с Родионом Шедриным и говорю ему:

— Наверное, Рудик, вы не пишете для меня, потому что знаете: если сочинить для альтя, то это будет вашим последним произведением. Правильно делаете.

Он ответил:

— Я не боюсь.

И действительно написал. И чувствует себя хорошо, дай Бог ему здоровья.